

Наконец-то дома

Яшви Садхир

В клан приехали только совсем вечером, когда уже стемнело. У Яшви не было часов, и она не могла сказать, сколько именно времени они провели в степи, пока Маниша не была готова продолжать путь. И она и ребенок чувствовали себя хорошо, и Яшви и сама успела задремать, сжавшись на неудобном сиденье. Она все еще находилась под впечатлением от случившегося, от того, что смогла снова принять роды, не имея для этого почти никаких знаний, в степи, где не было даже горячей воды. Она надеялась, что это больше никогда не повторится. Что ей больше никогда не встретятся беременные беглые принцессы, которых нужно будет спасать. Они с Сонгцэном, конечно, и так собирались в Алтай, но не предполагали, что все так круто поменяется. А еще Яшви убедилась в мысли, что никогда не будет иметь детей.

Она вздрогнула и проснулась, когда машина остановилась. Села ровнее, поправила волосы и осмотрелась по сторонам, заметив в маленьком окне невысокие постройки, слишком знакомые, чтобы их не узнать с первого взгляда. Она перевела взгляд на спящую Манишу с ребенком - младенец дышал часто, но ровно. Несмотря на то, что он родился раньше, пока с ним не было никаких проблем, и Яшви надеялась, что так будет и дальше.

- Мы приехали, - сказала она вслух и вышла из машины, чтобы найти кого-нибудь из Лис.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Большую часть дороги Сонгцэн старался присматривать за аурой Маниши и ребенка, но под конец его все-таки утрясло, и он заснул. Проснулся он только в тот момент, когда Яшви объявила, что они на месте. Сонгцэн зевнул и потянулся, стараясь размять затекшие от неудобной дороги мышцы. Маниша спала, ребенок тоже, с ними все было нормально. Сонгцэн достал из машины вещи и разбудил принцессу Рысей, чтобы поддержать ребенка, пока она будет собираться и выходить из машины. Он расплатился с водителем, заплатив больше, как и обещал.

Было темно. Звериный облик еще не наделил Сонгцэна способностью видеть в темноте, которая сейчас была бы полезна. Редкие огни от стоянки Лис и свет фар - это все, что хоть немного разгоняло окружавшую тьму, в которую погрузилась ночная заснеженная степь. Ночь была холодной. Сонгцэн мог согреться с помощью энергии Манипуры, но чувствовал, что без этой возможности уже бы замерз стоять без куртки.

Яшви Садхир

Яшви нашла небольшой дом Их-Чэрэна и Чаалун, что стоял чуть поодаль от края маленькой деревни. Здесь еще не спали, но готовились ко сну, а гостей вовсе не ждали. Письмо Алахчит, как и думала Яшви, еще не успело дойти, и они прибыли быстрее почты. Яшви вкратце рассказала о случившемся, и Чаалун, всплеснув руками и завернувшись в толстый дэгэл, поторопилась на улицу, чтобы помочь

Манише с ребенком. Яшви вышла следом за ней, неся чистое полотенце и теплое одеяло из шерсти верблюда, которое отдала водителю. Сейчас было слишком темно, чтобы ехать по степи обратно до города, и Их-Чэрэн, вышедший на улицу тоже, пригласил водителя остаться на ночь в деревне.

Эта суэта была такой родной, привычной и уютной, что Яшви сразу почувствовала себя дома. Чаалун сразу проводила всех внутрь, хотя ее непали был не таким хорошим, как Их-Чэрэна. Дети уже спали в одной из маленьких комнат, но места хватило бы всем. В очаге горел огонь, в тепле Яшви сразу разморилась, она даже не хотела есть и ей хотелось только одного - остаться с Сонгцэном и по возможности уснуть в нормальной кровати.

Чаалун принялась хлопотать у очага, поочередно спрашивая у всех, будут ли они ужинать так поздно, но Яшви покачала головой в свою очередь и повторила вопрос Манише, которая устала сегодня и наверняка проголодалась.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн понял, что письмо опоздало, и они застали Тибетских Лис врасплох, но те все равно проявили чудеса монгольского гостеприимства, и Чаалун была готова накрыть на стол и готовить на всех ужин. Даже водителю сразу предложили переночевать в деревне, чтобы не ехать в темноте да еще и на фоне усталости обратно через степь. Сонгцэн занес в дом Их-Чэрэна рюкзаки с вещами. Он был рад увидеть родных Яшви. Их-Чэрэн и Чаалун, которую он быстро привык называть эме, были хорошими и добрыми людьми. Сонгцэн был уверен, что Манише здесь будет хорошо, но боялся, что они слишком обременят Лис таким прибавлением.

Сонгцэн отказался от ужина и сказал, что будет только чай, но Маниша согласилась поесть. Она была бледной и уставшей, ей нужно было приходить в себя. Ребенок тихо вошкался, но молчал. Такими темпами Их-Чэрэн и Алахчит решат, что они с Яшви решили открыть у Лис сиротский приют.

- Нам нужно зайти к Алахчит? - спросил Сонгцэн одновременно у Яшви и Их-Чэрэна.

Была ночь. С одной стороны, было невежливо приехать в клан и не доложить главе, с другой, Алахчит наверняка уже отдыхала.

Яшви Садхир

Чаалун тут же начала рассказывать обо всем на свете, чтобы заполнить возникшую тишину, но это было о погоде, о том, как жеребятся кобылы, о маленьком Хиране, который уже уверенно ходил и везде лез, и ни слова о настоящих делах клана, потому что здесь были чужаки. Несмотря на свое гостеприимство, Лисы знали, когда можно говорить, а когда стоит молчать.

- Куда, на ночь-то глядя, - вмешалась Чаалун, продолжая быстро накрывать на стол. Яшви промолчала, и не сдержала улыбки, переглянувшись с дедом, который тоже решил дать возможность Чаалун высказаться. - Вот уж ночь выпитесь, утром позавтракаете, да идите, никуда она от вас не сбежит. Отдохнуть же надо, с дороги.

- Я сам к ней утром зайду, а там как захотите, так повидаетесь, - добавил Их-Чэрэн,

и Яшви была им так благодарна, что не нужно сейчас никуда идти, потому что у нее не был сил говорить еще раз о прошедшем дне.

На низком столике стали появляться тарелки и миски - сыр, запеченная козлятина, манты, лепешки и густой темный хар шул - бараний суп с луком, от которого парило так, что могло бы разбудить сочным ароматом всю деревню. Но больше всего Яшви обрадовалась сытному монгольскому чаю, который лишь немного отличался от тибетского. Последним Чаалун поставила на стол густой айраг, но это предназначалось скорее гостю водителю и Их-Чэрэну, хотя из вежливости и предложили Сонгцэну, как мужчине.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн был рад, что визит к Алахчит можно было отложить. Было проще говорить о делах на свежую голову, а не после тяжелого дня. Он взял пиалу с густым горячим чаем, который сейчас был именно тем, что требовалось, чтобы немного прийти в себя. Сонгцэн даже не чувствовал голода, потому что думал только о том, когда удастся лечь спать. Он отказался от алкоголя, потому что у Кобр не было принято его пить. Во время застолий с Лисами ему часто из вежливости предлагали этот местный напиток, но не обижались, когда он отказывался.

Маниша принялась за ужин, на этот раз она вроде даже не стеснялась демонстрировать свой аппетит. Сонгцэн считал, что это - хороший знак, и что так она приходила в себя после родов. Ребенка она при этом держала на руках, но уже к этому приспособилась. Сонгцэн очень надеялся на то, что женщины клана Лис ей помогут. потому что она сама вряд ли когда-либо прежде имела дело с младенцами.

- Вы разрешите мне остаться у вас? - спросила Маниша. - Я мало что умею, но постараюсь быть полезной.

Она говорила на непали, потому что не знала местный язык.

Яшви Садхир

Яшви никогда не задумывалась о том, как появился этот местный чай, но этому человеку наверняка были благодарны многие поколения, и она в том числе. Густой, сытный, ароматный и главное, что горячий, он хорошо согревал и восстанавливал силы, а еще отгонял все тяжелые мысли и непрошенные воспоминания. Яшви стало совсем спокойно, она была в месте, которое сейчас считала своим домом, в кругу семьи, рядом был Сонгцэн, и ей было настолько хорошо, насколько вообще хорошо может быть человеку.

- Да неужто выгоним обратно, - добродушно проворчала Чаалун, последней садясь за стол и тоже делая несколько глотков чая. Яшви пока молчала, она уже сделала все, что от нее зависело, и не сомневалась в том, что Манише будет позволено остаться. Потому что ей не было куда идти, она была только-только после родов, Лисы потеряли много людей, и им нужна была свежая молодая кровь, даже если и не лисья вовсе, а еще они никогда не отказывали в помощи тем, кто в ней нуждался. - Оставайся, сколько хочется. Захочешь - пойдешь весной с нами в степь, а нет, тут будешь ждать с другими, пока клан вернется. Отец утром до Алахчит как дойдет, скажет, что есть у нас теперь еще дочка и внук.

Яшви поспешно уткнулась в свою чашку, потому что глаза вдруг защипало.

- А дело твое пока вон, спит, им и занимайся, - продолжила эмэ. - А как окрепнешь, так занятие мы тебе найдем.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн взглянул на Манишу. Из всех присутствующих он был единственным, кто видел, какой она была в то время, когда она еще не сбежала. Сейчас она выглядела совсем иначе без нарядов и украшений, что следовало носить принцессе, с темными кругами под глазами и покусанными губами. Но сейчас в её взгляде не было той холодной ненависти, которая была, когда готовилась их свадьба. Сонгцэн интуитивно чувствовал, что здесь Маниша могла прижиться. Она повзрослела. И она в какой-то мере тоже нашла семью. Пусть не родную, но эти не собирались её убивать.

- Раз Маниша теперь - ваша дочь, может, дадите ей имя, которое дали бы дочери? - предложил Сонгцэн.

Кто знал, как сложится жизнь у неё и у Тибетских Лис. Быть может, когда-нибудь о ней заговорят за пределами клана, и тогда Маниша Шах могла снова оказаться в опасности. А та, что будет жить с другим именем, начнет здесь новую жизнь.

Ветер Перемен

Маниша ела горячий суп, запивая его сытным крепким чаем. Она чувствовала сильный голод, который пыталась унять этим ужином, немного непривычным, но очень вкусным. Сейчас ей казалось, что она не ела ничего вкуснее едой еды, горячей, ароматной и сытной. Она слушала то, что говорили за столом, и посмотрела на женщину, которую называли эме - хозяйку этого дома. Маниша улыбнулась, услышав её слова, а затем почувствовала, как по её щекам текут обжигающие слезы, несмотря на которые она продолжала улыбаться.

- Спасибо, - девушка поклонилась и попыталась стереть слезы с щек. Это было неприлично, еще и когда столько людей на неё смотрели, но она не могла справиться с собой. - Для меня честь быть вашей дочерью. И я приму другое имя, если вы мне его дадите.

Она не хотела никогда возвращаться в клан, где родилась. Во дворец, где выросла. Она не хотела быть Манишей Шах, потому что Рыси, носившие эту фамилию, были бы рады её убить. Никакие шелка и драгоценные камни не могли заменить ей этого чувства, которое она сейчас испытала здесь, сидя незнамо где среди людей, которых видела впервые. Они не гнали её с позором за то, что у неё был ребенок. Она бы согласилась и на то, чтобы жить здесь на правах служанки, лишь бы не выгнали и не выдали Рысям, и не ожидала, что её назовут дочерью, а её сына - внуком.

Яшви Садхир

Яшви взглянула на Сонгцэна, когда он выступил со своим довольно дерзким

предложением, потому что обычно имя давали при рождении и не меняли в течение жизни, потому что считалось, что духи знают человека под тем именем, с которым он пришел в этот мир. В Монголии был силен культ духов и предков, и сейчас, отказываясь от имени, данного ей родителями, Маниша теряла связь с теми предками, от которых вела свой род. Но в той ситуации, в которой она оказалась, сбежав от своей семьи с человеком, который ее бросил в сложном положении, может быть, для нее это было наилучшим вариантом. Может быть новое имя изменит ее судьбу.

И, хотя у Яшви не было никаких сил прислушиваться к духам, она все равно прикрыла глаза и постаралась услышать их через усталость и переживания этого дня. Духи молчали, но в этом молчании ей почудилось что-то одобрительное. Так молчат, когда не требуется говорить никаких слов, потому что и так все ясно. Она открыла глаза, поймала взгляд деда и согласно кивнула.

- Будет так, - ответил Их-Чэрэн. - Отныне тебя будут звать Номинжин. Ты нам дочь, а твой сын - нам внук.

Яшви не говорила им, что отец ребенка сбежал, и они с Манишей не были женаты, но Их-Чэрэн и Чаалун и так обо всем догадались. Лисы не ободряли внебрачных детей, пусть и не запрещали добрые отношения, но в этой ситуации было глупо еще раз напоминать об этом бывшей принцессе, а теперь ее названной сестре. Она сама себя уже наказала, и этого было достаточно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн посмотрел на Манишу, когда она расплакалась. Можно было считать, что период ее скитаний закончился. Маниша Шах, принцесса клана Рысей, уже не существовала. Вместо неё появилась Номинжин, приемная дочь Их-Чэрэна и Чаалун. Жизнь у Лис не будет простой: клан переживал тяжелый кризис, в нем осталось очень мало людей, у них не было сил отбиваться, если снова появятся Шакалы, а жизнь кочевников самих по себе не имела ничего общего с жизнью принцессы во дворце. Но Маниша уже несколько месяцев пряталась от Рысей, она успела пожить в куда худших условиях в вечном страхе, что ее найдут и убьют. При таком раскладе сейчас она была счастлива, и со слезами просто проходили нервное напряжение и страх.

- Спасибо, - сказала Маниша и поклонилась. - Я назвала сына Тамерлан.

Он завожился у неё на руках, тихонько запищал, но затем снова уснул.

Сонгцэн видел, что его энергия была бледной, но ее хватало. Наверное, родиться было не легче, чем родить, и этот малыш заслужил право отсыпаться после такого испытания.

Яшви Садхир

Яшви посмотрела на ребенка, которого Маниша все еще держала на руках. Она могла бы предложить свою помощь, чтобы теперь уже Номинжин могла нормально поужинать и немного восстановить силы, потраченные в тяжелых для нее родах, но Яшви ловила себя на мысли, что не хочет больше прикасаться к этому ребенку. Она

не раз видела, как тяжело выносить и родить младенца, и потом жизнь превращается в бесконечное беспокойство - дышит ли, нормально ли ест, хорошо ли спит, ничего не болит, правильно ли растёт, и сейчас не чувствовала в себе сил соглашаться на что-то подобное. Боялась, что если подержит ребенка чуть дольше, то в ней проснется что-то, что будет упрямо подталкивать ее к собственным детям, ведь как еще объяснить, что женщина, уже один раз родившая и познавшая все эти тяготы и страхи, соглашается на это во второй, третий и далее разы?

- Имя хорошее, - одобрил Их-Чэрэн. Они ни словом не обмолвились про отца ребенка, и у Яшви сложилось впечатление, что им это даже неинтересно.

- Ну, устала, поди? - спросила Чаалун у новоявленной Номинжин, когда та доела суп и допила горячий чай. - Пойдем, покажу, где будет твоя комната. Живем мы просто, но коли тебе чего понадобится - мне сразу говори.

Яшви налила себе еще горячего чая. Она отказалась от ужина, но ей было хорошо и так.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Чаалун повела теперь уже Номинжин отдыхать, и девушка явно была рада такому развитию событий. В ближайшие дни за ней и ребёнком нужно будет внимательно следить. Сонгцэн подозревал, что преждевременное рождение могло наложить свой отпечаток на здоровье ребёнка, который был маленьким и слабым. Он читал в книгах, какие рост и вес считались нормальными. На глаз ребёнок Маниши был меньше, но его никто не мерил и не взвешивал, достаточно было понять, что он дышит сам. А остальное все равно зависело не от них.

Водитель вышел, чтобы забрать в машине сигареты и перекурить, можно было говорить чуть больше.

- В Покхаре ее ищет ее семья, - сказал Сонгцэн Их-Чэрэну. - Считают, что она опозорила свой род, и это можно исправить только ее убийством. Поэтому сегодня она умерла под тем именем, которое знают там.

Он понимал, что его просьба дать Манише новое имя могла прозвучать дерзко. Но так было безопаснее всего. Мир подобен воде - он впитывает информацию. Может долго хранить ее в самых дальних уголках, а потом она может всплыть в самый неподходящий момент. Их-Чэрэна, который принял беглую принцессу Рысей в свою семью, стоило знать о том, что ее могли искать.

Яшви Садхир

- Мы редко даем новые имена, сын, - сказал Их-Чэрэн, степенно отпивая чай. - Но пошли навстречу твоей просьбе.

Клан был почти что обязан ему жизнью. Если бы на момент битвы с Шакалами Сонгцэна не было с ними, их кости сейчас кормили бы степных орлов. Их-Чэрэн не стал это говорить, но все об этом помнили.

- Ее прошлая жизнь осталась в прошлом с тем именем, в эту она войдет под именем

Номинжин. Даже если клан Рысей ее найдёт, мы не отступимся от своего слова и не оставим ее.

Яшви понимала, что в этом случае, скорее всего, весь клан окажется истреблен, вряд ли Рыси, ослепленные жаждой мести и стремлением смыть позор с клана кровью, остановятся перед маленьким и все еще слабым кланом Тибетских Лис. Яшви не раз спрашивала у духов, что будет с кланом, но будущее было настолько изменчивым, что даже они не могли ничего сказать. Лишь только отделялись словами, что клан Лис уже нечто большее, чем просто клан. Яшви этого не понимала, ей нужна была помощь более опытного шамана, который дольше общался с духами и умел расшифровывать их слова намного лучше нее.

- Может, мы могли бы как-то пустить слух, что она погибла? Чтобы Рыси оставили поиски? - предложила она Сонгцэну. Сейчас можно было говорить свободнее, пока не было Чаалун, принцессы и гостя-водителя, при которых дела не обсуждали.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн вежливо поклонился словам Их-Чэрэна. Он был уверен, что Рыси при таком раскладе не будут воевать с Лисами, ещё и когда беглянка жила не под прежним именем, не называлась фамилией рода и не претендовала на титул принцессы. Лисы были в очевидном альянсе с Кобрами вследствие брака Сонгцэна с Яшви. Рыси рассчитывали на альянс с Кобрами и точно не хотели конфронтации. Если бы Кобры велели им отказаться от охоты на Манишу, это могло бы спровоцировать конфликт, но тут формально Сонгцэн был ни при чем, а Номинжин уже принадлежала к клану Тибетских Лис. Словом, никто не стал бы открыто на неё нападать здесь, даже если бы нашли. Но могли убрать втихаря, поэтому лучше всего было, чтобы её не искали.

- Конечно, пустим, - Сонгцэн улыбнулся Яшви, которая начала рассуждать как настоящая Лиса. - Во всех деревнях вокруг клана Рысей пойдут слухи о том, что она умерла.

И он знал, как это организовать. Заплатить паре нужных людей, а дальше народная молва разнесет сама, придумав нужные подробности. Маниша улетала по своим документам. С пересадкой в Китае и не транзитным рейсом, но все равно можно было узнать в Непале о том, что ей брали билет на самолет. У Рысей вряд ли были достаточные связи, чтобы получить список всех пассажиров того рейса, но отец Маниши мог получить информацию о том, когда и куда она должна была вылететь. Формально она была несовершеннолетней, и отец за неё отвечал. Просто понимал это по-своему. Поэтому ему придется довольствоваться слухом о том, что Маниша Шах умерла в Китае.

Яшви Садхир

- Хорошо, - Яшви выслушала Сонгцэна и поставила опустевшую пиалу из-под чая обратно на столик. Если весной Маниша уйдет в степь вместе с кланом, то найти ее будет уже намного сложнее даже с самыми сильными прорицателями, потому что клан постоянно перемещался и его путь зависел от погоды и движения табунов и стад животных. Они могли как несколько недель оставаться на одном месте, так и все лето нигде не задерживаться. Гэры собирались и разбирались очень быстро,

клан мог практически что в течение часа сняться с места и отправиться дальше.

Вернулась Чаалун с ворохом грязной одежды, которую сложила в дальнем углу в большую плетеную корзину. Затем обернулась и уперла руки в бока, глядя на все еще трапезничающих.

- Будет вам время тянуть, утром наговоритесь. Отец, отпусти детей спать, дела подождут. Вы ложитесь в нашей с отцом комнате, я там постелила, а мы здесь останемся. Не ждали мы вас, дом не успели нагреть, холодно. Завтра Алтана отправлю печь протопить, чтобы не ютиться нам всем здесь.

Спорить с эмэ Яшви не решилась, тем более, и правда хотела уже лечь на более-менее удобную кровать и растянуться под теплым одеялом. Она устала, и за этот день произошло слишком много всего. Маниша наверняка уже спала, и Яшви надеялась, что ребенок даст ей выспаться. Вроде бы сразу после родов они больше спят, чем орут.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Вернулась Чаалун. Сонгцэну было немного неловко, что хозяйева дома уступили свою комнату им с Яшви, но отказываться от этого означало их обидеть. Лисы были очень гордым народом. Сонгцэн уже понял и по своим наблюдениям, и со слов Яшви, что этим кочевникам, которые сейчас буквально выживали, не стоило как-либо явно помогать, потому что они могли счесть это оскорблением, мол, их не считают способными справиться самостоятельно. У клана Кобр было достаточно ресурсов, чтобы помогать Лисам, но у Сонгцэна не хватало фантазии, как это можно было бы сделать. Он был хитрым, он многое знал о дипломатии, но мало кому удастся перехитрить лису, а нескольких - тем более.

- Спасибо, эме, - сказал Сонгцэн и допил свой чай.

Он встал из-за стола. С утра было много дел: нужно было поговорить с Алахчит, разобрать вещи, раздать подарки, которые они привезли с собой - в основном мелочи, потому что нужно было везти много теплых вещей. Еще стоило найти повитуху, чтобы она посмотрела, все ли в порядке с Номинжин и её ребенком.

Яшви Садхир

Было уже совсем поздно, Яшви не привыкла засиживаться так долго, но после долгой дороги было приятно просто посидеть и попить горячего сытного чая. Она тоже поднялась, когда Сонгцэн встал, чтобы показать ему комнату. Он не был в Алтае, и, хотя дом был самым простым, вряд ли можно было найти сразу вот так сходу спальню Чаалун и Их-Чэрэна. Это в гэре все спали вместе в одном помещении.

- Спокойной ночи, - пожелала она деду и эмэ и слегка поклонилась вошедшему обратно в дом водителю.- Пойдем, я покажу, где можно умыться. Остальные удобства на во дворе, с другой стороны дома.

- Поспите с утра подольше, - напутствовала их Чаалун. - Нечего вскакивать ни свет ни заря.

Яшви кивнула бабушке и пошла до коридору вглубь дома и показала Сонгцэну маленькую, на одного человека, комнатушку, в которой на тумбочке стояли кувшин с водой и большой таз. На стене на крючках висело несколько чистых полотенец. Здесь все было довольно простое и бедное, но чистое и аккуратное. Все равно клан большую часть времени жил в степи, и те семьи, которые уходили весной, почти ничего в домах не оставляли.

- Комната вон за той дверью, - она указала на нужную, потому что за одной из еще двух наверняка спали мальчики, а за второй - Номинжин с младенцем. Раньше в той комнате спала Яшви, но она была готова отдать ее беглой принцессе с ребенком. - Не очень похоже на дворец Кобр.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Спокойной ночи, - также пожелал Сонгцэн перед тем, как отправиться спать.

Дом был простым, но иного он и не ожидал. Кочевники большую часть года проводили в степи в гэрах, где все еще примитивнее, чтобы можно было быстро собраться и двигаться дальше. И в степи он уже видел, каким был быт Лис, поэтому здешние условия казались ему даже лучше, чем он ожидал. Сонгцэн умылся холодной водой и вытер лицо и руки.

- Я больше жил в Линь Ян Шо, чем во дворце, - ответил Сонгцэн.

А там все было тоже весьма скромно. Без служанок, завтраков в комнату, огромных кроватей с шелковым бельем и павлинов во дворе. К слову, павлинов там можно было бы развести, вряд ли сложнее, чем держать кур, только от них никакой практической пользы.

- Я думаю, что и Номинжин здесь приживется. Она несколько месяцев скиталась незнамо где, не похоже, что жила во дворцах, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви постоянно забывала об этом, она вообще очень мало думала о монастыре в то время, когда была в клане или в Покхаре. Словно стоило ей только его покинуть, как срабатывала его особенная магия, скрывающая это место от чужих взглядов. Но по сравнению с Алтаем, в монастыре все же было чуть-чуть комфортнее. Здесь стирать все еще приходилось руками, а воду греть на очаге.

- Почему ты не хотел отвезти ее в монастырь? - спросила Яшви, склоняясь над тазом, чтобы освежить лицо. - Там бы ее тоже не нашли.

Если бы у Сонгцэна было намерение ее туда увезти, им бы не пришлось преодолевать восьмичасовую дорогу до клана, которая еще была и омрачена преждевременными родами в голой степи. Номинжин могла бы родить в срок. Хотя там нужно было от деревни идти пешком в гору, кто знает, как хорошо бы бывшая принцесса преодолела этот путь, будучи на последних сроках беременности. Яшви снова вспомнила, каким маленьким выглядел младенец, он определенно еще не готов был появляться на свет. Ему нужно было больше времени, чтобы созреть.

Яшви вытерла руки полотенцем, затем направилась в спальню. Комната освещалась масляным светильником, но этого света было достаточно, чтобы не промахнуться мимо кровати. Металлической, как водится. Дерево было слишком дорогим.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я не хочу, чтобы об этом всем знали родители, - честно сказал Сонгцэн. - А они часто бывают в Линь Ян Шо.

Он им доверял, но не хотел в это втягивать. Как минимум наследному принцу Кобр не стоило знать обо всей этой аванюре, противоречившей интересам королевского рода Рысей. Дорога была одинаково тяжелой и в монастырь, и в Монголию. Монастырь был защищен от взглядов прорицателей, а Монголия - стыковочными рейсами, с помощью которых было проще запутать след.

- И я думаю, она здесь принесет больше пользы, - добавил Сонгцэн.

В Линь Ян Шо приходили и уходили, это место было своеобразным перекрестком для тех, кто искал свой путь. Кто-то находил там свой дом, другие - возможность понять себя и обрести новые силы. А здесь Маниша и её сын могли начать новую жизнь, уже не ища других путей. Сонгцэн не мог сказать, что хорошо знал свою вторую невесту. Почти не знал, они мало общались до её побега, еще меньше - потом, когда пришлось решать сложные проблемы. Она была смелой, это все, что он мог о ней сказать наверняка. Но она была благодарна тем, кто её приютил, и постарается оправдать их к себе отношение.

Яшви Садхир

- Ты им ничего не сказал? - удивилась Яшви. Она думала, что Их Высочества все знают, просто не стали в это вмешиваться, чтобы не привлекать к этому происшествию слишком много внимания, что потянуло бы за собой определенные слухи. Но она и представить себе не могла, что они до сих пор оставались в неведении касательно всего этого.

Как бы было прекрасно просто снять с себя эту ответственность за Манишу и ее ребенка, но Яшви понимала, что уже не сможет от этой ответственности отказаться. В тот момент, когда она выдвинула идею отправить принцессу в клан Лис, она уже заходила в эту реку по самое горло, и теперь нужно было грести против течения, чтобы хотя бы оставаться на плаву, а не покорно следовать ему. И принимая роды, давая ребенку выбранное ею имя, она уже навсегда связывала себя и этого ребенка своим решением. Они не были одной крови, не были одного клана, но это уже не имело никакого значения.

- Я об этом не спрашивала раньше, - начала Яшви, переодеваясь в ночную рубашку, которую сюда положила Чаалун. Яшви узнала ее - это была та самая, в которой она провела самую первую ночь с принцем. - Это ведь ты помог ей сбежать накануне свадьбы? Поэтому она написала тебе?

Она поняла не сразу, но, постоянно перечитывая письма тогда еще для нее

Садхира-джи, она пришла к выводу, что принцесса при бегстве не могла так просто проникнуть на конюшню и выкрасть Кало, а, значит, кто-то ей в этом помог. Тот, в чьих интересах было, чтобы свадьба сорвалась.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Не сказал. Если они узнают, мне ничего не будет, но им незачем это знать, - сказал Сонгцэн.

Это были тонкости и хитрости, которые следовало учитывать, улаживая подобные дела. Сейчас получалось, что помогать Манише Шах решил он лично. И втянул в это Яшви. Если бы он рассказал родителям, получалось бы, что ей помогали и Кобры, и Тигры, и вопрос выходил бы на уровень дипломатии между кланами, если бы вскрылся. Зачем?

- Кала передала мне её письмо к этому Кришне, - сказал Сонгцэн. - Если бы о письме стало известно, свадьба бы сорвалась сама собой, но Маниша вряд ли бы осталась жива. Если бы я промолчал, я должен был бы жениться на девушке, для которой я был врагом. Я вернул ей письмо и сказал, где будет Кало, и как выбраться из дворца.

Он заметил, что Яшви надела ту ночную рубашку, в которой была в ночь накануне сражения с Шакалами. Сонгцэн разделся, оставшись в футболке и трусах. Здесь не могло быть его пижамы, а сейчас было не лучшее время, чтобы искать, где их рюкзаки, и доставать оттуда вещи, которые не пригодятся.

Яшви Садхир

Яшви подумала, что теперь они не узнают и наверняка. Они и так хотели с Сонгцэном съездить в Алтай, но отправлялись вдвоем, никак не давая понять, что к ним присоединится еще третий человек. Вряд ли за ними следили, Яшви хотелось на это надеяться.

- Иногда люди не ценят того, что для них делают другие, - сказала Яшви. Она забралась под одеяло, все еще немного прохладное, несмотря на то, что в доме было тепло. Его хорошо протапливали, и камень, из которого был сложен дом, долго держал тепло. Хотя и не так хорошо, как держало бы дерево. За окном тихо падал снег, и вокруг были многие километры голой степи, а ей было уютно и спокойно. Так, как должно быть дома.

- Мне жаль ее, что она оказалась одна в такой ситуации. Наверное, она и правда сильно любила Кришну, раз согласилась бежать с ним, - Яшви не знала, была ли она сама способна на такой поступок. Если бы Их-Чэрэн и Хубилай хаан в свое время не дали согласие на их с Сонгцэном брак, она бы не стала сбегать. О чем им тогда и прямо сказала. Но ей было намного проще - ее не торопились выдавать замуж за человека, которого она совершенно не знала и не любила. И теперь она должна была быть благодарна принцессе Рысей за возможность быть сейчас рядом с принцем. Помощь ей была лишь малой крупинкой, которая не могла покрыть этого долга.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн обнял Яшви, когда она забралась под одеяло. В доме было тепло, но он не замерз бы даже если бы здесь не топили.

- Благодаря ей я понял, что могу бороться, чтобы быть с той, с кем хочу быть, - признался Сонгцэн. - Поэтому я готов ей помогать, я ей обязан.

Он был воспитан в понимании, что его женят на той, кого выберет клан. И в случае с Майей Тхакур он не чувствовал при этом никаких противоречий. Но потом все изменилось. Накануне свадьбы с Манишей он чувствовал, что она - не та, с кем он хочет быть. Но не был готов себе в этом признаться. Она была смелее. Она ошиблась, выбрав Кришну, он ей предал. Она оказалась в тяжелой ситуации, поэтому и обратилась за помощью, которую Сонгцэн не мог ей не оказать, чувствуя, что несет за неё определенную ответственность.

- Я не думал, что Кришна её предаст, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

- Наверное, это самое страшное, когда тебя предает человек, которому ты отдал все, - ведь так оно и было на самом деле. Маниша отказалась от рода, от статуса, от богатства и привычной ей жизни, чтобы бежать с Кришной, а потом еще и забеременела от него, и оказалась в итоге совершенно одна в той ситуации, когда так необходима поддержка. Яшви не знала, что Манише пришлось пережить прежде чем она нашла в себе решимость написать Сонгцэну, но вряд ли это были приятные деньки. При первой встрече с ней Яшви никогда бы не подумала, что видит перед собой принцессу - даже королевской выправки, и той уже не осталось.

Яшви прижалась к боку Сонгцэна, радуясь, что он здесь, рядом с ней. Она не боялась, что он ее бросит или оставит, потому что окажется ему не нужна. Им через многое пришлось пройти, чтобы быть вместе, и отказаться от этого сейчас или в будущем было все равно, что пустить все старания на ветер. Но даже если и случится так, что их судьбы разойдутся, Яшви было куда вернуться. Она была уже не той испуганной девочкой, которую послушно вели на рынок.

- Сонгцэн, - медленно произнесла она, все еще думая, стоит ли задавать свой следующий вопрос. И он мучил ее слишком назойливо, чтобы о нем продолжать молчать. - Что если у нас никогда не будет детей?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я не представляю, как она выжила, - признался Сонгцэн.

Оставшись без денег, знакомых, и человека, на которого она рассчитывала, но зато преследуемая собственной семьей, Маниша умудрилась несколько месяцев выживать, пока не решилась написать свое письмо. Сонгцэн хотел бы при случае увидеть Кришну, чтобы как-то отплатить за то, что тот сделал.

Но рассуждения о Манише, которая теперь Номинжин, Сонгцэн отложил, когда Яшви задала свой вопрос. Когда она согласилась выйти за него замуж, они обсуждали, что

рождение наследника можно отложить, и что ребенок будет один, даже если родится девочка. Но после сегодняшнего Сонгцэн не удивился тому, что Яшви подумала о том, можно ли ей не рожать вовсе. Клан, конечно, будет ждать наследников. И с годами давление станет сильнее. Но сейчас Сонгцэн и сам не мог представить, что Яшви придется пережить все то, что было с Манишей.

- У нашего рода нет других ветвей и других наследников, - сказал Сонгцэн. - Если после меня не останется того, у кого будут законные права на престол, в клане начнется борьба за власть. Но я понимаю, что после сегодняшнего не хочется думать ни о каких детях. Если через несколько лет мы все еще будем понимать, что своих детей у нас не будет, мы усыновим ребенка.

Яшви Садхир

Все мысли Яшви сейчас занимала не Маниша, имя которой теперь звучало как Номинжин, но к чему нужно было привыкнуть, а то, что сегодня пришлось пережить в степи, когда нужно было отложить страх, растерянность и панику, и просто делать все возможное, чтобы ребенок появился на свет. Яшви потом долго терла руки снегом, оставляя на нем кровавые разводы, и не сразу смогла вернуться обратно в машину, потому что ее мутило. Не от вида крови - к нему она была привычна, как, наверное, и любая женщина. От осознания того, что может ее ждать в том случае, если она согласится вынашивать и рожать ребенка. Умом она понимала, что все не обязательно случится так же, как и у Маниши, но иррациональный страх заставлял ее сжиматься и покрываться холодным потом. Несмотря на то, что на улице была отнюдь не жара.

- Я думала о том, что это не обязательно должен быть ребенок от меня, - тщательно взвешивая каждое слово, отчего они начали казаться тяжелыми булыжниками, сказала Яшви, - любая наложница из тех, кто остались во дворце, будет только рада, если наследник клана Кобр будет рожден от нее.

Яшви когда-то сказала, что ей достаточно, если у принца не будет гарема, и что за нее никто не будет решать, если ее мнение будет отлично от ей предложенного, а все остальное она сможет пережить. Но сейчас она понимала, что, возможно, не до конца продумала все возможные варианты и теперь соглашалась на то, что принц разделит ложе с другой женщиной ради клана.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн много раз говорил с Яшви, что у него не будет наложниц. И её предложение он счел даже обидным, потому что она явно считала, что он был готов спать с другой женщиной только ради того, чтобы родился ребенок. И это будет не только измена, пусть даже Яшви сама предложила, это будет еще одна женщина во дворце, со своими интересами и планами. Либо еще одна Кобра, у которой в этой ситуации будет сугубо деловой интерес, либо та, чувствами которой придется пренебречь. Обе ситуации казались Сонгцэну отвратительными от и до.

- Если этого ребенка родишь не ты, он будет не от меня, - ответил Сонгцэн.

В природе льва - держать гарем из львиц, которые все делают за него. Его задача лишь прогнать другого льва, который стал слабее от ран или старости, перебить его

потомство и возглавить прайд. История того же Непала и Китая знает немало примеров, когда правитель держал нескольких жен и десятки наложниц, которые рожали ему сотни детей, имевших определенные права на престол и наследство. Но Сонгцэн знал, что лично для него этот вариант не подходил. Как он смог стать мастером магии Воды, будучи по своей природе магом Огня, так он мог быть моногамным львом, потому что только так его время, силы и эмоции уходили бы на то, что он считал более важным, чем улаживание склок между наложницами, каждой из которых нужны привилегии и внимание. И Сонгцэн не собирался делать исключений. Он был рад, что его женой стала именно Яшви, потому что любил её и чувствовал в ней по-настоящему родного и близкого человека. Но если бы он женился на Майе Тхакур или даже Манише Шах, он бы с не меньшей самодисциплиной относился к своей верности.

- Я не настаиваю на том, чтобы ты рожала. Я предложил вариант, который меня вполне устроит, - добавил Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви догадывалась о том, что ее предложение Сонгцэн воспримет без энтузиазма и даже с какой-то обидой, но сама отнеслась к этому спокойно. Она думала о клане, который мог не принять ребенка извне, и который, скорее всего, начнет на нее давить лет через пять, когда ее возраст будет подходящим для рождения детей. Вообще-то непальские традиции подразумевали, что в семнадцать лет у девушки уже должен быть хотя бы один ребенок, а то лучше несколько, но эти традиции казались ей варварскими и следовать она им не собиралась. Но ей будет сложно противостоять давлению со всех сторон, когда необходимость рожать наследника будет возложена на нее как священная. За ней будут пристально следить, пытаясь заметить в ее состоянии тщательно скрываемые или мнимые признаки беременности, а ее отказ вообще заводить ребенка будет воспринят в штыки. Скорее всего. Яшви не питала иллюзий, что Его Величество, да здравствует он еще очень много лет, и в этот раз отойдет от многолетних традиций. Все-таки надеяться на лучшее, что жди худшего, а жизнь Яшви не особо баловала ее человеческим к себе отношением, и ей было сложно действительно ждать хорошего.

- Но устроит ли он клан? Примет ли он ребенка не твоей крови? - у ребенка, что будет рожден от любой наложницы королевского гарема, будет больше привилегий и прав, чем у того, что будет взят в семью извне. К тому же Яшви не была уверена, что сможет относиться к чужому ребенку также, как если бы он был хотя бы ребенком Сонгцэна - пусть и какой-то другой женщины. Она не чувствовала ничего по отношению к Хирану, а ведь он был ей родным братом. И тем более не чувствовала ничего к ребенку Маниши, даже если теоретически представить себе, что Тамерлан вдруг может стать их приемным сыном.

- Я боюсь, Сонгцэн. Мне страшно даже думать о том, что я могу забеременеть.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Если бы во дворце знали обо всем, что было в голове у Сонгцэна, и хотя бы половину того, что он говорил Яшви, это вызвало бы бурю, особенно со стороны деда. Поэтому Сонгцэн предпочитал действовать по-своему, не ставя любимую семью в известность тогда, когда в этом не было острой необходимости. Например,

он не собирался объявлять во всеуслышание, если ребенка они будут усыновлять.

- Нам ничто не мешает уехать на год-полтора из клана и вернуться с ребенком, - сказал Сонгцэн. - И кровь этого ребенка будет такая же красная, как у меня.

Он не стал развивать эту мысль, решив, что Яшви поймет его и так. Клан должен был знать не больше, чем необходимо для того, чтобы все было спокойно. А пока до этого хитрого плана было еще несколько лет, когда можно ждать и думать. Им некуда было спешить: Яшви еще рано рожать, даже если когда-нибудь она передумает. Дед еще правит кланом, и его здоровье позволяло надеяться, что не последний год. После чего придет очередь отца, у которого было много сил на долгие годы. До того, как очередь должна была дойти до Сонгцэна, вопрос о новых наследниках не будет первостепенным в клане.

- Если ты сама не захочешь, ты не забеременеешь. Я достаточно хорошо знаю врачевание, чтобы этого не допустить, - сказал Сонгцэн. - Сейчас мне страшно представить, что тебе бы пришлось перенести то, что творилось с Манишей.

Яшви Садхир

- Но ведь любой опытный прорицатель сможет понять, что ребенок не наш, - заметила она. Яшви не представляла, как это можно скрыть от Бо-джи, например, или от мастера Раджа, которые могли видеть судьбы. Они легко поймут, что что-то не так, и тогда врать уже будет бессмысленно.

Яшви не настаивала на предложенном ей варианте с наложницами, как могло бы показаться, она просто пыталась найти какой-то безопасный для себя и принца вариант, который устроит их обоих и не заденет клан Кобр. Лисам-то все равно, они примут как ее решение никогда не заводить детей, так и если их будет с десяток. Она уже успела убедиться, что для них это не главное. Они поддержат ее в любом случае, в отличие от королевских Кобр, для большинства из которых она до сих пор могла бы быть как кость в горле, потому что не отличалась высоким происхождением.

- Я надеюсь, мне больше никогда не придется делать это снова, - призналась она, прижимаясь крепче к Сонгцэну, потому что от этих воспоминаний ее снова бросило в холодный пот, а по телу пробежала дрожь. Вся эта кровь по ногам, руки в крови, стонущая от боли Маниша, которой ты не знаешь, как помочь, а ребенок вот-вот родится, хотя еще не готов, и роды идут слишком быстро, не так, как нормальные доношенные роды, и слишком маленький какой-то сизый младенец...Этих впечатлений ей хватило на всю оставшуюся жизнь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Понять - да, но неизвестно, захочет ли он это смотреть, и сочтет ли нужным говорить, - сказал Сонгцэн.

Он крепче обнял Яшви, заметив, что она дрожала. Она сегодня знала куда больше, чем он, и смогла помочь Манише. Все его теоретические знания оказались бессмысленными, он вообще не знал, что делать, и скорее пугался и смущался, присутствуя при родах. Что было непростительно, потому что он был лекарем и

считал, что владеет этой способностью достаточно хорошо.

- Ты же хочешь учиться на медсестру, - сказал Сонгцэн. - Думаешь, там не придется учиться принимать роды?

В непальских деревнях было мало медиков. Были миссионеры, их было очень мало. Были врачи, к которым нужно было ехать в города. Были редкие врачи и фельдшеры в деревнях. Чаще были знахари. Медсестре придется учить все, что только можно, чтобы справляться без врача там, где получится. Да и с врачом большая часть грязной работы будет именно на ней.

Яшви Садхир

Невозможно было сказать наверняка, что будет и что решит прорицатель в том случае, если все-таки решит увидеть судьбу. Справедливости ради, наставник Радж был уже в преклонном возрасте, к тому времени, как они решатся на ребенка, любого, на месте старца может быть уже кто-то другой. И он может быть настроен не столь лояльно к приемному ребенку. Сейчас думать об этом было все равно, что пытаться тыкать пальцем в небо.

- Я об этом не думала, - вынуждена была ответить Яшви, когда разговор плавно перетек с будущих детей на будущее вообще. Она и не была уже уверена, что правда хочет учиться на медсестру, это было скорее попыткой убежать от той реальности, в которой она жила раньше. Соломинка, за которую хватается утопающий.

- Медсестра всего лишь делает то, что ей говорят. Она не должна сама придумывать, как правильно, как сделать лучше, все ли идет так, как надо. Если что-то не так, она должна позвать врача, чтобы он сказал, что ей делать дальше. Мне кажется, если рядом со мной был бы кто-то, кто точно знал, что делать, я бы не так боялась.

Так ей бы не пришлось всю ответственность принимать на себя. Яшви чувствовала, что часто берет на себя слишком многое, потому что привыкла тащить на себе всю семью: больного отца, вечно беременную мать, которая быстро уставала и не могла выполнять домашние дела в обычном объеме, и стайку детей, количество коих постоянно менялось, потому что новые братья и сестры рождались и умирали. Пытаясь все или хотя бы что-то контролировать, она взваливала на себя груз, который не могла унести.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Сегодня я должен был знать, что делать. Я же знаю врачевание. И я читал на всякий случай, что делать с Манишей, если ей станет хуже, или если начнутся роды, - признался Сонгцэн. - Но я испугался, и не знал, что делать. А ты испугалась, но справилась.

В этом было очень сложно признаться. Во время родов он свалил ответственность на Яшви, решив, что она лучше в этом разбиралась. А она просто смогла лучше взять себя в руки. Она не видела ауру, она никогда не училась принимать роды, просто её жизненный опыт ей помог со всем справиться.

- Сейчас я понимаю, что можно было хотя бы снимать боль во время схваток. Мама говорила, что лет до двадцати тело женщины не готово рожать. Может, поэтому ребенок родился раньше срока, - сказал Сонгцэн. - И еще неизвестно, какими будут последствия. Нам нужно здесь задержаться, я не уверен, что с ребенком все в порядке.

В это время легкие новорожденного были недоразвиты. И Тамерлану повезло, что он смог дышать сразу, Сонгцэн не был уверен, что справился бы, если бы это произошло.

Яшви Садхир

Яшви не стала возражать и клятвенно убеждать Сонгцэна, что все нормально, она могла и сама, ему было вообще не обязательно там быть. Конечно, как от врача, она ждала от него большей помощи, но, с другой стороны, мужчины редко когда сталкиваются с деторождением, как от мужчины она не ждала ничего выдающегося.

- Но ты же никогда раньше не принимал роды, - заметила она. Яшви не злилась и не была обижена, что все получилось вот так, она была под таким впечатлением от происходящего, что у нее не оставалось сил на какие-то другие эмоции. - Нельзя требовать от человека делать то, что он не умеет делать.

Можно прочитать тысячи книг и учебников, но когда дело доходит до практики, все эти прочитанные знания растворяются в моменте, и в голове остаётся только страх. И пустота, потому что на деле случай учебника не имеет ничего общего с реальностью. Яшви тоже не сильно больше знала и понимала, но кто-то же должен был сделать хоть что-то, иначе погибли бы и мать и ребенок. Ей просто повезло, что оживающей она видела, как это делается.

- Ты думаешь, с ним что-то не так? Надеюсь, с ним все будет хорошо. Не хочу, чтобы умер еще один ребенок, которого я принимала.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Сейчас я не видел, чтобы у него в ауре были какие-то нарушения. Он просто маленький и слабый, - сказал Сонгцэн. - Я просто читал, что у недоношенных детей могут первое время возникать проблемы с дыханием. Я надеюсь, что все обойдется.

У Яшви был тяжелый опыт, и Сонгцэн считал, что сейчас он уже сможет проследить за тем, чтобы с этим ребенком все было в порядке. Просто могло получиться, что на какое-то время они задержатся в Алтае. Но Яшви будет не против провести больше времени с любимыми Лисами, здесь ей нравилось больше, чем в Покхаре.

- Но я думаю, что еще нужно найти опытную повитуху, которая посмотрит Номинжин и ребенка, если вдруг мы что-то не заметили, - добавил Сонгцэн.

У Лис наверняка были те, кто часто принимал роды. Когда клан кочевал, было проблематично отвезти роженицу в больницу или позвать к ней врача.

Яшви Садхир

Яшви мало что понимала в детских болезнях. Она вообще поняла, что почти ничего не знает в принципе. Несмотря на то, что она старалась наверстать упущенное время, много занимаясь с наставниками и постоянно упражняясь сама, нагнать ее сверстников, которые знали и умели больше, оказалось непросто.

- Цотан-гуай обычно принимает роды, - вспомнила Яшви невысокую коренастую женщину, которая всегда присутствовала на родах вместе с лекарем Чалууном, но руководила процессом всегда она. - Хотя я не удивлюсь, что завтра, когда мы проснемся, все уже будет сделано без нас.

В степи, как в любой деревне, вставали рано. К утру дом остывал, и нужно было протапливать его заново, чтобы он не успевал промерзнуть. нужно было кормить скотину и лошадей, заниматься прочими домашними делами, пока было светло, иначе приходилось тратить масло для светильников. можно было пользоваться ячьим жиром, но оно горело хуже и ужасно чадило и воняло. Но Яшви этот образ жизни нравился намного больше, чем жизнь во дворце, хотя и в ней были свои преимущества. Где еще она сможет вдоволь понежиться в ванне, полной горячей воды со всякими маслами и прочими притирками.

Утром весь клан будет знать, что они приехали, Алахчит будет оббивать порог в нетерпении, повитуха осмотрит Номинжин и ребенка, и Яшви с Сонгцэном останется разве что пить чай и болтать с Алахчит, потому что не будет никаких срочных дел. Дом вот еще только посмотреть, потому что он много лет стоял пустой.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Тогда давай спать, чтобы не проснуться намного позже, чем остальные, - предложил Сонгцэн.

Он провел ладонью по спине Яшви, затем коснулся губами её виска. День был тяжелым, нужно было отдохнуть, а с утра решать оставшиеся вопросы по мере их возникновения. Сонгцэн считал, что они поступили правильно, когда привезли Манишу сюда. Она будет в безопасности, а Лис станет больше. Первое время Номинжин понадобится помощь от её новой семьи, но со временем и она, и её сын, могли помочь клану развиваться.

Принцесса Рысей должна была получить хорошее образование в родном клане. Пусть она не умела доить коз и пасти лошадей, у неё могли быть знания и навыки, полезные Лисам. А с другой работой разберется. Она и сама понимала, что не в том положении, чтобы диктовать свои условия и отказываться от каких-либо обязанностей. И ей придется выучить язык, который будет для неё третьим или четвертым.

В доме и за окном было тихо. Бескрайняя заснеженная степь спала, а метель за окном прятала последние следы, которые могли показать, куда пропала Маниша Шах.
